

А. С. БОДРОВА

К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ ЭПИГРАММЫ
«СТИХ КАЖДЫЙ ПОВЕСТИ ТВОЕЙ...»*

Стих каждый повести твоей
Звучить и блещет как червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зоиль прямой Чухоонецъ¹.

Пушкинское эпиграмматическое пятистишие о Баратынском и его финляндской повести неоднократно привлекало внимание исследователей творчества и литературных отношений обоих поэтов. Стихотворение традиционно сопоставлялось с другими отзывами Пушкина об «Эде» [Пушкин 1916: 246–248; 1926, I: 369; Мясоедова 2002: 233–236] и — шире — с пушкинскими высказываниями о Баратынском середины 1820-х годов [Пушкин 1928, II: 142–143; 1929: 395–416; Стеллиферовский 1988: 118–121; Кулагин 1991]. Комментаторы поэм Баратынского, в свою очередь, обсуждали эпиграмму в связи с первыми журнальными откликами на издание «Эды и Пирова» [Баратынский 1915, II: 235–238, 326–327, 332; Баратынский 1936, I: 307–309]. Фактические сведения и содержательные параллели в пушкинской переписке суммировала в недавней статье Н. Е. Мясоедова [2002: 233–236], а значимые переключки со стихотворным корпусом были давно отмечены знаком «поэтического хозяйства» Пушкина В. Ф. Ходасевичем [1924: 16].

Напомним вкратце известные обстоятельства. К 20 февраля 1826 г. Пушкин наконец получил от Дельвига долгожданный экземпляр «Эды и Пирова» [Летопись 1999: 126], несколькими днями ранее вышедших в Петербурге². Этим числом датирован его ответ Дельвигу [13: 262], а также письмо П. А. Осиповой [13: 263, 551], вместе с которым Пушкин переслал ей литературную новинку. Восторженные отзывы об «Эде», сообщаемые обоим корреспондентам, **свидетельствуют** об оправдавшихся ожиданиях Пушкина, который давно с сочувственным интересом следил за судьбой финляндской повести Баратынского³.

В то же время в номере «Северной пчелы» от 16 февраля — вместе с объявлением о продаже «Эды и Пирова» — появилась рецензия Булгарина, резко и неприязненно отозвавшегося о новой поэме:

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-04-00468а.

«Въ Повѣсти Эда, описанія зимы, весны, горъ и лѣсовъ Финляндіи прекрасны. Но въ цѣломъ повѣствованіи нѣтъ той піитической, возвышенной плѣнительной простоты, которой мы удивляемся въ *Кавказскомъ плѣнникѣ*, *Цыганахъ* и *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* А. С. Пушкина. Окончательный смыслъ большей части стиховъ, переносится въ другую строку; отъ этого расказъ дѣлается прозаическимъ и вялымъ (...). Нѣтъ ни одной сцены занимательной, ни одного положенія поразительнаго. Даже въ прозѣ Повѣсть сія не увлекла бы читателя заманчивостью, а намъ кажется, что Поэзія должна избирать предметы, выходящіе изъ обыкновеннаго круга повседневныхъ приключеній и случаевъ; иначе она превратится въ рюмоплетство (...). Скучность предмета имѣла дѣйствіе и на образъ изложенія: стихи, языкъ — въ этой Поэмѣ не отличные» [Булгарин 1826: 1; Летопись 1998: 176–177].

Полемические переключки с откликом Булгарина, который Пушкин впоследствии в одном из набросков о Баратынском назвал «неприличной статейкой» [11: 74; Мясоедова 2002: 235] и который был в сущности единственным враждебным откликом об «Эде» в печати⁴, — послужили основанием для датировки эпиграммы второй половиной февраля — мартом 1826 г., впервые предложенной М. А. Цявловским и затем поддержанной в большинстве изданий⁵. Ответ на обвинения в несовершенстве стиха прочитывается в афористичном комплименте — *Стих каждый (...) Звучит и блещет как червонец*, а на сопоставление с собственными поэмами — не в пользу *певца Финляндки молодой* — Пушкин отвечает куда более сильным сравнением: *Твоя Чухоночка (...) Гречанок Байрона милей*, перефразируя свои же mots из писем брату и Аркадию Родзянке⁶.

Отметим, что с рецензией Булгарина, по-видимому, связывали появление пушкинской эпиграммы и современники — в частности, П. А. Плетнев, процитировавший этот отзыв об «Эде» в статье «Финляндия в русской поэзии», и даже В. Г. Белинский, который, явно не сомневаясь в адресате, припомнил пушкинский комплимент в обзоре «Русская литература в 1844 году»:

«Появленіе Эды, исполненной свѣжести красокъ, простоты событія и новости слишкомъ безыскусственной формы, произвело на журналистовъ, какъ часто водится, неблагоприятное впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ критикою своею вызвалъ Пушкина на слѣдующую эпиграмму, въ которой поэтъ говоритъ Баратынскому:

„Стихъ каждый повѣсти твоей (...)“»

[Плетнев 1842: 139]⁷;

«(...) кто не знаетъ этихъ стиховъ къ Баратынскому, на счетъ его Эды:

Стихъ каждый повѣсти твоей (...)

Какъ не сказать, что если всѣ безпрекословно согласятся съ послѣднимъ стихомъ, то едва-ли кто согласится съ третьимъ и четвертымъ?» [Белинский 1845: 15] (разрядка моя. — А. Б.).

Общее мнение современников и позднейших исследователей расходится, однако, с авторской датировкой эпиграммы: в беловом автографе (ПД № 894)⁸, равно как и при первой публикации, стихотворение было датировано 1825 г. Не менее интересно и то обстоятельство, что впервые напечатана эпиграмма была уже существенное время спустя после выхода «Эды» — только в 1829 г. Эти факты истории текста, несомненно, заслуживают специального комментария, который бы позволил точнее оценить место эпиграммы в ряду пушкинских жестов в поддержку Баратынского.

1. Ненадолго оставив вопрос о первой публикации текста, обратимся к содержательной стороне пушкинского эпиграмматического высказывания. Похвала стиху «Эды», помещенная в афористичный зачин, кажется прямым возражением на финальный вывод болгаринской рецензии («⟨...⟩ стихи, языкъ — въ этой Поэмѣ не отличные»). При этом в комплименте мастерству Баратынского можно расслышать и значимую реплику Пушкина в полемике о конкретном приеме — а именно об употреблении стиховых переносов.

Критикуя стих «Эды», Булгарин в своей рецензии прежде всего порицал манеру поэта переносить «окончательный смысл большей части стиховъ ⟨...⟩ въ другую строку» — то есть обилие enjambements, которые, по мнению редактора «Северной Пчелы», делают рассказ «прозаическимъ и вялымъ». Ту же особенность поэмы Баратынского — но с противоположной оценкой — специально отмечал Н. Полевой в прямо полемичной по отношению к заметке Булгарина рецензии в «Московском телеграфе»:

«Искусство Баратынскаго въ отношеніи стихосложенія превосходно. Разсказъ въ самыхъ обыкновенныхъ подробностяхъ у него не только не прозаическій и не вялый, но совершенно пѣвическій ⟨...⟩ Намъ чрезвычайно нравится также искусство Баратынскаго переносить смыслъ изъ стиха въ стихъ. Этимъ онъ умѣетъ избѣгать монотоніи, которая къ каждой римѣ приколачиваетъ утомительное однообразіе» [Полевой 1826: 72–73; Летопись 1998: 179].

Оценка стиха финляндской повести, будь то критика или похвала, оказывалась таким образом оценкой удачности стиховых переносов — и это смещение акцентов нельзя считать необоснованным. Наблюдательности Булгарина нужно отдать должное — критик «Северной Пчелы» точно подметил особенности стихового строения «Эды», существенно выделявшейся на фоне других произведений того же жанра, написанных 4-стопным ямбом свободной рифмовки с чередованием мужских и женских окончаний. Частотность enjambements в «Эде», по нашим подсчетам, достигает 11,3 %, тогда как для ранних поэм Пушкина и поэмы Рылеева «Войнаровский» этот показатель существенно ниже: по данным С. А. Матяш, в «Руслане и Людмиле» он составляет 3,3 %, в «Кавказском пленнике» — 2,4 %, в «Бахчисарайском фонтане» — 3,7 %, в «Цыганах» — 3,4 %, в «Войнаровском» — 2,1 % [Матяш 2001: 179]⁹.

Плотность стиховых переносов была заметна уже в отрывках, опубликованных до выхода издания 1826 г. Серию enjambements можно найти во фрагменте поэмы, напечатанном в «Полярной звезде на 1825 г.» и — чуть позже — в IV части «Мнемозины»:

Изъ подъ сугробовъ снѣговыхъ,
Кой-гдѣ вставая головами,
Скалы чернѣютъ; | снѣгъ буграми
Лежитъ на соснахъ вѣковыхъ.
Кругомъ все пусто. | Зашумѣли,
Завыли зимнія мятели.

[Баратынский 1825а: 373; ср. 1825б: 219]

В полном тексте поэмы целые серии enjambements — не редкость, как, например, в «сцене с отцом», особо отмеченной Пушкиным в письме Дельвигу:

Но только хитрый мой шалунъ
Разъ видѣль, слышалъ, какъ ворчунъ
Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
Ходилъ сердито, | какъ потомъ
Ударилъ сильно кулакомъ
Онъ по столу, | и Эдѣ бѣдной,
Предъ нимъ трепещущей и блѣдной,
Сказалъ рѣшительно: | повѣрь,
Несдобровать тебѣ съ гусаромъ!
Вы за углами съ нимъ недаромъ
Всегда встрѣчаетесь. | Теперь
Ты рада слушать негодяя.
Худому выучить. | Бѣда
Падеть на дуру. | Мнѣ тогда
Забота будетъ небольшая <...>

Ты мнѣ любезень: | не всегда ли
Я угождать тебѣ спѣшу?
Я съ каждымъ утромъ приношу
Тебѣ цвѣты; | я подарила
Тебѣ кольцо; | всегда была
Твоимъ весельемъ весела <...>

Приду я къ тихому пріюту
Моей любезной: | о, покинь
Дѣвичій страхъ | и на минуту
Затвори досадный отодвинь!

[Баратынский 1826: 17, 6, 21]

Характерно также, что некоторые enjambements, приходившиеся на стык строфоидов, были графически выделены в книжном наборе — синтаксическую и смысловую паузу между предложениями в пределах одной стиховой строки подчеркивала разбивка:

- 1) *Вотъ Эда вамъ!*
На камнѣ миштомъ
 Предъ хижиной своей одна
 Сидѣла подь-вечеръ она (...)
- 2) (...) Лице тихонько обратила
Къ нему бѣдняжка.
О злодѣй!
 Съ какою медленностью томной (...)
- 3) (...) *Рѣшишь!*
Волненія полна,
 Прискорбно дѣва поглядѣла
 На обольстителя (...)
- 4) (...) Уже въ тѣни деревь родныхъ
 Вель съ нею вѣкъ благополучной...
Вотще!
Коварный Шведъ опять
 Не соблюдаетъ договоровъ (...)

[Баратынский 1826: 4–5, 9, 21, 34–35]

Обратить внимание на эту примечательную черту стихотворного синтаксиса «Эды» у Пушкина были особые основания. В то самое время, когда Баратынский писал свою финляндскую повесть, Пушкин активно экспериментировал с межстрочными переносами в собственных произведениях, осваивая интонационные и смысловые возможности enjambements в повествовательном жанре — прежде всего в «Евгении Онегине».

Интерес к стиховым переносам возник у Пушкина еще в Одессе: важная роль, которую они играют в поэтическом синтаксисе, заметна в таких элегических шедеврах осени 1823 г., как «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...») и «Простишь ли мне ревнивые мечты...» [2, кн. 1: 289, 300–301]; на это обратил внимание О. А. Проскурин, связавший пушкинские опыты с рефлексией над поэтической техникой Батюшкова [Проскурин 2003: 277–281]. По подсчетам С. А. Матяш, в лирических стихотворениях 1823 г. удельный вес enjambements по сравнению с предыдущими годами возрастает более чем вдвое (в 1823 г. — 1,9 %, а в 1821-м и 1822-м — 0,9 % и 0,7 % соответственно) [Матяш 2006: 58]. Параллельно стиховые переносы начинают занимать важное место и в больших стихотворных формах — так, максимальной концентрацией enjambements отмечены сочиненные, по всей видимости, осенью 1823 г. сцены «Бахчисарайского фонтана», связанные с Заремой [Фомичев 1986: 76–77, 81; Матяш 2000: 25; Проскурин 2007: 267]. Эксперименты со стиховыми переносами в повествовательном жанре затем находят продолжение в работе над «Онегиным»: к концу треть-

ей главы, которую Пушкин дописывает осенью 1824 г. [Фомичев 1983: 39–41], впервые в романе возникает длинная серия enjambements [Шапир 2003: 51–53], а ее финальные строфы отмечены знаменитым межстрофным переносом (*«... И задыхаясь на скамью // Упала...»*). В главе пятой, работа над которой начата 4 января 1826 г., и шестой, написанной, по всей видимости, уже после знакомства с «Эдой», частотность стиховых переносов только увеличивается, начинают появляться целые серии enjambements, растет их семантическая нагруженность — что особенно заметно в сцене сна Татьяны или описании дуэли [Шапир 1999/2000: 353–354; 2003: 50–51].

Таким образом, Баратынский, с его специальным вниманием к enjambements в «Эде», оказывался важным союзником Пушкина в расширении «прав» и возможностей этого стихового приема, и тем большие основания были у автора «Онегина» не оставить без ответа критику Булгарина, которая, ко всему прочему, могла напомнить ему еще об одном недавнем выпаде против Баратынского и его поэмы.

2. Комментаторы не раз обращали внимание на дату, наличествующую в беловом автографе и проставленную под стихотворением при публикации в «Московском Вестнике» — 1825, но верить поздней пушкинской датировке были не склонны. Так, Н. Е. Мясоедова сочла эту дату «лишь приблизительной, затемняющей для массового читателя полемическую направленность эпиграммы» [Мясоедова 2002: 236], однако такому объяснению противоречат последовавшие отклики современников, полагавших и много лет спустя, что неназванным зоилом был именно Булгарин (ср. цитировавшиеся выше высказывания Плетнева и Белинского).

Несомненно, что само появление даты — в беловике, предназначавшемся, очевидно, для посылки в журнал Погодина, и, соответственно, на страницах «Московского вестника» — было обусловлено фактом «запоздалой» публикации стихотворений на случай, каковыми можно счесть не только «летучую» эпиграмму в поддержку «Эды», но и посланный вместе с нею ответ «Д...у. *На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крима*» (датирован 1824 г.). Но можно полагать, что и сама дата, проставленная под эпиграммой — 1825, — имела под собой вполне конкретные основания.

Хотя издание «Эды» появилось только в начале 1826 г., полный текст «финляндской повести» (впоследствии, впрочем, переработанный) был готов существенно раньше. В письме А. И. Тургеневу от 31 октября 1824 г. Баратынский сообщал, что «написал небольшую поэму», и просил позволения доставить адресату список «Эды» [Летопись 1998: 145], что и было сделано в январе 1825 г. (см. письмо Баратынского Тургеневу от 25 января 1825 г. [Летопись 1998: 150]).

В начале 1825 г. петербургским приятелям Баратынского, по всей видимости, был также известен полный текст поэмы, знакомство с которым, очевидно, вызвало уничижительный отзыв А. А. Бестужева об «Эде» в письме Пушкину от 9 марта:

«Что же касается до Бар<атынско>го — я перестал верить в его талант. Он ифранцузился вовсе. Его Эдда есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению, да и в самом Черепе я не вижу целого — одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец — мишура. Байрон не захотел после Гамлета попробовать этого сюжета и написал [только] забавную надпись — о которой так важно толкует Плетнев» [13: 149–150].

Бестужевский отклик о таланте Баратынского, исключительный в своей резкости, тем не менее не был единственным неблагоприятным высказыванием о поэте в то время, когда его ближайшие друзья вновь принялись за хлопоты о производстве Баратынского в долгожданный чин [Летопись 1998: 150–160]. На брань в адрес Баратынского в «Сыне Отечества», идеологически близком издателям «Полярной звезды», жаловался Пушкину Плетнев в письме от 22 января 1825 г.¹⁰ Не менее красноречивой (особенно на фоне цитированного эпистолярного отзыва) была скупая похвала Бестужева «Черепу» Баратынского в ежегодном обзоре «Полярной звезды»¹¹. Конечно, некоторая излишняя полемичность этих отзывов была спровоцирована восторженными похвалами Баратынскому в знаменитом плетневском «Письме графине С. И. С. о русских поэтах», однако, по удачной формулировке В. Э. Вацура, эти «похвалы, быть может, были преувеличены — но и возмущение (...) было чрезмерным» [Вацура 1978: 40]¹².

Продолжению личного, внешне дружественного общения Баратынского с Рылеевым и Бестужевым эти выпады не помешали, однако эстетические разногласия автора «Эды», с одной стороны, и издателей «Полярной звезды», с другой, как видно из процитированного письма, были налицо — равно и в случае с Пушкиным. Важнейшие обстоятельства и главные вопросы полемики Пушкина с Бестужевым и Рылеевым были суммированы недавних работах Н. Н. Мазур¹³, в частности, обнаружившей полемические переклички с цитированным выше письмом Бестужева в XXXV—XXXVI строфах четвертой главы «Онегина» — явно свидетельствующие об особом внимании, с которым Пушкин прочел это послание.

В том же своем письме критик «Полярной звезды», обращаясь к Пушкину, рассуждал о первой главе его романа в стихах и настойчиво высказывал свои воззрения на необходимость высокого предмета в поэзии:

«Между тем как убить в высоте орла, надобно и много искусства и хорошее ружье. Ружье — талант, птица — предмет [и] — для чего ж тебе из пушки стрелять в бабочку? (...) Чем выше предмет, тем более надобно силы, чтобы объять его — его почти, его одушевить (...) Что свет можно описывать в поэтических формах — это не

сомненно, но дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов? (...) Стоит ли вырезывать изображения из яблочного семечка, подобно браминам индейским, когда у тебя, в руке резец Праксителя?» [13: 148—149].

Суровый отзыв об «Эде», не устраивавшей Бестужева ни «ничтожностью» предмета, ни несовершенством исполнения (которое, по его мнению, напрямую связано с предметом поэзии), в непосредственном соседстве со сдержанной характеристикой первой главы романа и подобными общими рассуждениями не мог не задеть Пушкина. Ведь, в сущности, отзываясь о Баратынском, Бестужев позволил себе проговорить то, чего не решался впрямую высказать автору «Онегина».

Бестужевские суждения из этого письма о предмете поэзии хорошо запомнились Пушкину, сколь можно судить по упомянутым онегинским строфам и его переписке 1825 г. По всей видимости, не был забыт и пассаж о Баратынском — да и вряд ли Пушкин мог не вспомнить о нем, когда прочел в «Северной Пчеле» «ничтожную статейку» Булгарина, в которой критик, едва ли не повторяя мысли Бестужева, трактовал о необходимости возвышенного предмета для поэзии и, вслед за редактором «Полярной звезды», отказывал «Эде» в достоинстве равно предмета и исполнения. Близость болгаринской печатной критики к оценкам Бестужева, отмеченная еще И. Н. Медведевой [Баратынский 1936, II: 309], позволяет объяснить механизм пушкинской ассоциации и предположить, что дата, поставленная под стихотворением — 1825, — оказалась отзвуком давних несогласий с издателем «Полярной звезды», воспоминанием или даже, может быть, напоминанием (разумеется, для очень немногих) о бестужевском выпаде в адрес Баратынского, который, как представляется, можно считать одним из полемических подтекстов эпиграммы.

Более того, отдельные переключки с эпистолярным отзывом Бестужева можно найти и в самом пушкинском тексте. В письме критика «Полярной звезды» настойчиво проводится мысль о превосходстве Байрона по части рисовки характеров (в связи с «Онегиным») и по части умения выбрать должный предмет для поэзии (в связи с Баратынским)¹⁴. На этом фоне тем более хлестким выглядит пушкинское сравнение «Эды» с поэмами Байрона — решительно не в пользу последнего. А характерное определение, данное Бестужевым финальным стихам «Череп» — *мишура*, — может быть, полемически отозвалось в пушкинской характеристике стиха Баратынского: *Звучит и блещет как червонец*¹⁵.

3. Литературным фактом пушкинская эпиграмма стала, однако, только несколько лет спустя после выхода «Эды», увидев свет в первой книжке «Московского Вестника» на 1829 год, где она была напечатана вместе с рядом других пушкинских текстов, в том числе программной

«Чернь»¹⁶. Отметим, что в том же номере журнала было помещено стихотворение самого Баратынского «Смерть» (с. 45–46), которое стало первым текстом, отданным в «Московский Вестник» после ругательной рецензии Шевырева на сборник 1827 г. — и в этом, как кажется, можно предполагать посредничество Пушкина¹⁷. Публикация эпиграммы, должествующая подчеркнуть пушкинскую симпатию к Баратынскому, происходила на фоне совместного предприятия двух поэтов — в то же время в Петербурге выходят «Две повести в стихах», появившиеся в продаже на второй неделе декабря 1828 г. [Летопись 1998: 214].

Эпиграмма была в распоряжении Погодина уже в середине 20-х чисел октября 1828 г.: 27 октября датируется цензурное разрешение сдвоенным 19-му и 20-му номерам «Московского Вестника», где в объявлении о составе первой новогодней книжки названо стихотворение Пушкина «К Б...» — очевидно, интересующий нас текст¹⁸. Таким образом, стихотворения для погодинского журнала должны были быть отправлены из Петербурга, где с мая 1827 г. находился Пушкин, не позже конца 10-х чисел октября 1828 г., то есть до отъезда Пушкина в Тверскую губернию 19 октября [Летопись 1999: 268, 427]. Строго говоря, именно это время должно быть названо верхним пределом (*terminus ante quem*) для датировки комментируемой эпиграммы, текст которой фиксирует только беловой автограф, приготовленный для посылки в редакцию «Московского Вестника». Мы можем только гадать, припомнил ли Пушкин в данном случае текст, сочиненный несколько лет назад, окончательно ли отдала задуманную прежде эпиграмму или же известный нам текст, отсылавший, конечно, к полемикам прошлых лет, был непосредственно сочинен только осенью 1828 г. — уже в новых литературных обстоятельствах.

Выступление с запоздалой похвалой «Эде» — продуманный литературный жест, хорошо вписывающийся в контекст последних месяцев 1828 г., когда Баратынский оказался одним из главных героев пушкинских разговоров и размышлений. 7 октября после девятимесячного отсутствия в столицу вернулся Дельвиг [Вульф 1915: 14], привезший из Москвы беловую рукопись «Бала» и многочисленные тексты для «Северных цветов». С ним и Алексеем Вульфом, как следует из записи в дневнике последнего под 14 октября [Вульф 1915: 15], Пушкин специально беседовал о Баратынском и «Горе от ума». Тем же временем, до отъезда в Малинники, датируется пушкинское знакомство с окончательным текстом новой поэмы Баратынского и набросок статьи о «Бале» («Наши поэты не могут жаловаться...»), в которой Пушкин как раз вспоминал об обстоятельствах выхода «Эды», по его мнению, существенно недооцененной критиками (аргументы в пользу такой датировки см. [Песков 1995/1996: 252–253; Летопись 1998: 212]).

Логика этой незавершенной статьи, где сочувственному разбору «Бала» была предпослана исключительно высокая оценка «Эды», оказалась воспроизведена на ином уровне в серии пушкинских выступлений в поддержку Баратынского осенью 1828 г. Похвала «Эде» и порицание ее критикам были высказаны в сжатой эпиграмматической форме, а одобрение «Балу» и заинтересованность в новой поэме Баратынского подчеркнуты совместным изданием «Двух повестей в стихах».

Характерно, что подобная замена развернутого критического суждения изящным *mot* была уже годом ранее опробована Пушкиным, когда вместо развернутого отзыва о «Стихотворениях Евгения Баратынского», который он хотел написать летом 1827 г.¹⁹, в «Северных Цветах» появился лишь краткий афоризм в числе «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»: «Никто болѣе Баратынскаго не имѣть чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ» [Пушкин 1827: 211; 11: 53]. Случалось Пушкину и «задним числом» публиковать свои старые тексты, обращенные к Баратынскому: так, в «Северных Цветах» на 1826 год были напечатаны сочиненные еще на Юге стихотворения «Баратынскому. Из Бессарабии» («Сия пустынная страна...») и «Ему же» («Я жду обещанной тетради...»), причем последнее приобретало новое, актуальное звучание на фоне долгожданного выхода в феврале 1826 г. «Эды и Пиров».

Актуальные цели преследовала и публикация эпиграммы в «Московском вестнике». Посылая поэтический комплимент Баратынскому в журнал Погодина и Шевырева, Пушкин, несомненно, делал довольно решительный ход. Неблагодарность «московских юношей» к Баратынскому общеизвестна²⁰. Уничжительная рецензия Шевырева на сборник 1827 г.²¹, вызвавшая осуждение Пушкина²² и страшно возмутившая Дельвига²³, была недавним и хорошо памятным литературным событием. Ее с осуждением и обидой упоминает Пушкин в статье о «Бале» («Как отозвался М.<осковский> В.<естник> об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта!» [11: 74]), с ней полемизирует О. Сомов в «Обзоре российской словесности за 1828 год»²⁴ — в непосредственной хронологической близости от публикации пушкинской эпиграммы.

Напомним, что прицельный выпад Шевырева касался как раз манеры выражения и «механизма стихов» [Сомов 1828: 17], но для молодого критика «старательная шлифовка стиха», его «мастерская отделка», равно как и «желаніе блистать словами» оказались исключены «изъ числа важныхъ достоинствъ поэзіи» [Шевырев 1827: 71]. Пушкинская же эпиграмма, хвалившая слог и стих «Эды» при помощи тех же метафор (*звучит и блещет*), — вполне могла быть прочитана как скрытый упрек новому зоилу Баратынского — Шевыреву. Впрочем, формально по-

следний не имел оснований считать себя задетым — авторская датировка, подчеркнута отсылавшая к полемикам прежнего времени, изящно маскировала эту актуальную полемическую адресацию.

Таким образом, «поздняя» публикация поэтического комплимента Баратынскому только усиливала эпиграмматическую остроту финального выпада, который оказывался обращен не только к «намежднишним зоилам» поэта, но и к новым его критикам. Затеяливую структуру полемических адресатов эпиграммы, как представляется, важно учитывать и при уточнении ее датировки. По сравнению с традиционной она, очевидно, должна быть расширена: *не ранее середины марта 1825 г. — не позднее конца 10-х чисел октября 1828 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [Пушкин 1829а: 108; ср. 1829б: 170]. Впервые опубликованное в «Московском Вестнике» [Пушкин 1829а], стихотворение было озаглавлено «Къ ...» и имело датировку — 1825, — наличествующую и в беловом автографе (ПД 894); при перепечатке во Второй части «Стихотворений Александра Пушкина» (1829) — в разделе «Разных годов» — датировка была убрана, а заглавие изменено («Къ Б***»). Впоследствии, готовя сборник своих стихотворений в 1836 г. (издание не состоялось), Пушкин внес поправку в первую строку, которая стала читаться: *Стих каждый в повести твой* [Пушкин 1937–1949, 3, кн. 1: 11, 569; 3, кн. 2: 1125] (далее в ссылаках на это издание указывается только номер тома, книги и страницы).

² Цензорский билет «Эде и Пирам» был выдан 1 февраля [Могилынский 1956: 395], однако книга поступила в продажу почти двумя неделями позже: самое раннее объявление о выходе поэм Баратынского помещено в номере «Русского инвалида» от 13 февраля (*Русский инвалид, или Военные ведомости*, 1826, № 37, 13 февраля, 150; отмечено И. Н. Медведевой [Баратынский 1936, II: 305; ср. *Летопись* 1998: 176]).

³ См. письма Л. С. и О. С. Пушкиным от 4 декабря 1824 г. [13: 127], А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г. [13: 128]; а также письма декабря 1824 — января 1825 г. брату Льву [13: 131, 143].

⁴ Объявление в «Русском инвалиде», где были перепечатаны предисловия к обеим поэмам, носило сугубо информационный характер. Рецензия Н. А. Полевого в «Московском Телеграфе» (о ней см. ниже) была прямо полемичной по отношению к отзыву Булгарина и содержала исключительно высокую оценку «Эды». Неблагоприятных откликов о поэме, по-видимому, все же было немало, как можно судить по словам А. Е. Измайлова в письме П. Л. Яковлеву от 22 февраля 1826 г. («Все ругают его [Баратынского], а мне кажется, что она [„Эда“] не так дурна» [Левкович 1978: 185; *Летопись* 1998: 177]), однако они имели характер частных высказываний (ср. сдержанную запись об «Эде» графа Д. И. Хвостова [Летопись 1998: 177] и неприязненный отзыв Н. М. Языкова в письме к брату [ЯА: 243; *Летопись* 1998: 178]) и едва ли могли быть известны Пушкину в Михайловском.

⁵ См. [Пушкин 1930: 21, 311; 1931: 35, 386; 3, кн. 2: 1125; Цявловский 1951: 68]. В позднейших исследованиях датировка была сужена: 20-е числа февраля — начало марта

[Песков 1995/1996: 248; Летопись 1999: 126; Мясоедова 2002: 236]. Отметим, что датировка Цявловского не сразу стала общепринятой: так, в собрании, вышедшем в 1935 г. под редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского в издательстве «Academia», эпиграмма была датирована 1825 г., как и в более ранних изданиях [Пушкин 1935: 212, 508].

⁶ Ср.: «⟨...⟩ эта чухонка говорят чудо как мила»; «⟨...⟩ да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен ⟨...⟩» [13: 128, 127] (разрядка моя. — А. Б.).

⁷ Вероятно, в этой характеристике Плетнева отразились пушкинские слова из наброска о Баратынском (принятое редакторское заглавие — «„Бал“ Баратынского»), который был впервые опубликован в 1840 г., а затем перепечатан в XI томе посмертного собрания сочинений [Пушкин 1840: 478–480; 1841: 236–239]: «⟨...⟩ появление Эды, произведения столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ ⟨...⟩ появление Эды подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ Съверной Пчелѣ и слабую возраженію на нее въ Московскомъ Телеграфѣ» [Пушкин 1840: 479; ср. 11: 74].

⁸ Описание автографа см. [Модзалевский 1929: 9–10; Соловьева 1964: 19].

⁹ Наши подсчеты для ранней редакции «Эды» отличаются от результатов, представленных в работе С. А. Матяш (8 %), которая, очевидно, обследовала позднюю редакцию поэмы по современному изданию (судя по данным о количестве стихов, за основу было принято издание, подготовленное Л. Г. Фризманом [Баратынский 1982], к сожалению, очень несовершенное в текстологическом отношении).

¹⁰ Ср.: «Прочитай во 2-м № Сына Отечества брань на мое Письмо о русских поэтах. Бранятся за Баратынского, как будто он в своей раме не совершенство, какого только можно желать» [13: 133]. О полемике «Сына Отечества» со статьей Плетнева см. [Вацуро 1978: 39–41].

¹¹ Ср.: «Изъ стихотвореній прелестны наиболѣ: Пушкина дума *Олежь*, и *Демонъ*, *Рускія пѣсни* Дельвига и *Черепъ* Баратынскаго» [Бестужев 1825: 20].

¹² Нельзя исключать, что резкость бестужевских отзывов о Баратынском была вызвана не только собственно литературными, но и коммерческими причинами: летом 1824 г. поэт забрал у издателей «Полярной звезды» первоначально порученную им рукопись своего стихотворного сборника, чем Бестужев, видевший в этом козни А. Ф. Воейкова, был не на шутку задет (см. его письмо П. А. Вяземскому от 20 сентября 1824 г. [Летопись 1998: 143]).

¹³ См. [Мазур, Охотин 2008; Мазур 2009]. Приношу самую искреннюю благодарность автору за возможность в свое время ознакомиться с последней статьей в рукописи, равно как и за чрезвычайно полезное обсуждение настоящей заметки.

¹⁴ Ср.: «Прочти Бейрона; он, не знаяши нашего Петербурга, описал его схоже — там, где касалось до глубокого познания людей. У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человека, который бы лучше его, портретнее его очеркивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек. И как зла, и как свежа его сатира! ⟨...⟩ Скажу только, что Козлов написал *Чернеца* и говорят недурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзии по нем еще не обносилась, и не дай бог судить о Бейроне по его переводам: это лорд в Жуковского пудре ⟨...⟩ в самом Черепе я не вижу целого — одна мысль, хорошо

выраженная, и только. Конец — мишура. Бейрон не захотел после Гамлета попробовать этого сюжета и написал [только] забавную надпись <...>» [13: 149–150].

¹⁵ Завершая разговор о бестужевском отзыве, трудно удержаться от предположения о еще одном полемическом ответе Пушкина на это письмо. Ругая стихотворение Баратынского «Череп», Бестужев осуждал самый выбор подобного предмета, мотивируя это тем, что даже «Бейрон не захотел после Гамлета попробовать этого сюжета» [13: 150]. Заманчиво предположить, что и на этот вызов Пушкин тоже решил ответить, попробовав тот же шекспировский сюжет в «Послании Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...» [3, кн. 1: 68–72], впервые напечатанном в «Северных Цветах» на 1828 год под заглавием «Череп». И не содержащемуся ли в письме Бестужева упоминанию Гамлета в связи с Баратынским обязана своим появлением известная пушкинская формула из этого послания: <...> Или как **Гамлет-Баратынский** // Над ним <черепом> задумчиво мечтай <...>?»

¹⁶ Помимо рассматриваемой эпиграммы в журнале были напечатаны «Подражания» (1. «В крови горит огонь желанья...»; 2. «Вертоград моей сестры...») (с. 44), «Утопленник. Простонародная песня» (с. 80–83), «Д...у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма» (1824) (с. 107), «Отрывок из Поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод» (с. 181–187), «Чернь» (с. 200–202). Цензурное разрешение первому номеру «Московского Вестника» было дано 19 декабря, цензорский билет — 4 января, объявление о раздаче подписчикам появилось 5 января (*Московские Ведомости*, 1829, 5 января, № 2, 64) [Синявский, Цявловский 1938: 58; Летопись 1998: 217; Боратынский 2002: 212].

¹⁷ Среди многих записей в дневнике Погодина о встречах и разговорах с Пушкиным в начале декабря 1829 г. есть и упоминание о Баратынском: «Гов.[ориль] о Пуш[кинъ] Барат.[ъинскомъ?]» (запись от 10 декабря [Цявловский 1914: 92]). «Смерть» попала в распоряжение Погодина много позже других текстов для журнала: в объявлении о готовящейся первой книжке «Вестника» на 1829 год, которое было помещено в последнем номере 11-ой части [*Московский Вестник*, 1828, ч. 11, № XIX/XX (цензурное разрешение 27 октября 1828 г.), 397–398], оно не упомянуто, как и пушкинская «Чернь», которую редактор получил от самого автора только 16 декабря (см. запись в дневнике Погодина [Цявловский 1914: 92]). Оба стихотворения появляются в анонсе содержания 1-й книжки журнала на 1829 год только в последнем номере 1828 г., цензурное разрешение которому было дано 28 декабря 1828 г. (*Московский Вестник*, 1828, ч. 12, № XXIII/XXIV, 399). О специальном интересе Пушкина к стихотворению Баратынского свидетельствует письмо Вяземского жене от 19 декабря 1828 г., в котором он передает мнение Пушкина о «Смерти» [ЛН 1952: 85]. Ср. также [Летопись 1999: 443].

¹⁸ *Московский Вестник*, 1828, ч. 11, № XIX/XX, 398.

¹⁹ Редакторское название этого наброска — «(Стихотворения Евгения Баратынского)» [1: 50]. О нем см. [Бонди 1931: 116–118; Розанов 1974: 127–128; Кулагин 1991: 163–166].

²⁰ См. об этом, например, [Вацуро 1978: 108–109; Песков 1995/1996: 264–265; Хитрова 2004: 149–150, 173–174].

²¹ Ср.: «Это желаніе блистать словами въ немъ слишкомъ замѣтно, и потому его можно скорѣе назвать поэтомъ выраженія, нежели мысли и чувства. Часто весьма обыкновенную мысль онъ оправляетъ въ отборныя слова и старательно шлифуетъ стихи, чтобы

придать гляндю своей оправѣ. Онѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ Русскихъ поэтовъ, которые своими успѣхами въ мастерской отдѣлкѣ стиховъ исключили чистоту и гладкость слога изъ числа важныхъ достоинствъ поэзіи» [Шевырев 1827: 71; Летопись 1998: 201].

²² См. его письмо Погодину от 19 февраля 1828 г.: «Шевыреву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского — но бог ему судья» [14: 5].

²³ Дельвиг — Баратынскому: «Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных? Это стыдно. Докажи им, что статья о литературе 1827 года совершенно школьническая, и какая! Даже Булгарин прав, говоря о ней (...) Скажи Шевыреву, что мы в нем видим талант в переводах с Шиллера, в свободе писать хорошие стихи, но ничуть не в вымыслах вдохновенных (...) Скажи ему, что он смешон, укоряя меня в невежестве (...) Суждение же его о твоей „Последней смерти“ воняет глупою посредственностью» [Дельвиг 1986: 330; Летопись 1998: 204–205]; см. также [Вацуру 1978: 131–133].

²⁴ Критические высказывания Сомова о «Московском Вестнике» и, в частности, о рецензии Шевырева перекликаются, как заметил В. Э. Вацуру, с отзывом Дельвига в письме Баратынскому: «(...) Какъ оуѣнены были стихотворенія Баратынскаго, одно изъ прїятнѣйшихъ явленій въ русской словесности? (...) Здѣсь или явное нежеланіе признать достоинства поэта, или умышленное недоразумѣніе (...) Пѣвецъ Эды, Пировъ, Финляндіи, творецъ многихъ элегій, дышащихъ чувствомъ истиннымъ и глубокимъ, и посланій, блестящихъ остроуміемъ свободнымъ и неподдѣльнымъ, достоинъ былъ, что бы, говоря о произведеніяхъ его, критикъ взвѣшивалъ слова свои съ большою осторожностію и отчетливостію, а не разпространялся объ одномъ механизмѣ стиховъ, который не составляетъ главнаго совершенства поэзіи Баратынскаго» [Сомов 1828: 16–17; Вацуру 1978: 152; Летопись 1998: 215–216].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баратынский, Е.: 1825а, 'Зима: (Отрывок из Повести: Эда)', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1825-й год*, Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, С.-Петербург, 372–373. Подпись: Б.
- Баратынский, Е.: 1825б, 'Отрывки из поэмы: Эда', *Мнемозина: Собрание сочинений в стихах и прозе*, Издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером, Москва, ч. IV, 216–220. Подпись: ****.
- Баратынский, Е.: 1826, *Эда: Финляндская Повесть, и Пирь: описательная Поэма*, С.-Петербург.
- Баратынский: 1936, *Полное собрание стихотворений*, Редакция, комментарии и биографические статьи Е. Купряевой и И. Медведевой, [Ленинград], т. I—II.
- Баратынский, Е. А.: 1982, *Стихотворения; Поэмы*, Издание подготовил Л. Г. Фризман, Москва.
- Белинский, В.: 1845, 'Русская литература в 1844 году', *Отечественные записки*, т. XXXVIII, № 1, отд. V, 1–42. Без подписи.
- Бестужев, А.: 1825, 'Взгляд на Русскую Словесность в течении 1824 и начале 1825 годов', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1825-й год*, Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, С.-Петербург, 1–23.

- Бонди, С.: 1931, 'Статьи Пушкина о Баратынском', С. Бонди, *Новые страницы Пушкина; Стихи, проза, письма*, Москва, 115–129.
- Боратынский, Е. А.: 1914–1915, *Полное собрание сочинений*, Под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана, С.-Петербург, 1914, т. I; 1915, т. II (= Академическая Библиотека Русских Писателей; Вып. 10–11).
- Боратынский, Е. А.: 2002, *Полное собрание сочинений и писем*, Москва, т. 2, ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов, Редакторы тома О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков.
- Булгарин, Ф.: 1826, [Рецензия на книгу: Е. Баратынский, Эда: Финляндская Повесть, и Пирь: описательная Поэма, С.-Петербург 1826]', *Северная пчела*, 1826, № 20, 16 февраля. Подпись: Ф. Б.
- Вадуро, В. Э.: 1978, «Северные цветы»: *История альманаха Дельвига — Пушкина*, Москва.
- Вульф, А. Н.: 1915, 'Дневник А. Н. Вульфа, 1828–1831 гг.', Предисловие и примечания М. Л. Гофмана, *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград, вып. XXII/XXIII, 7–310.
- Дельвиг, А. А.: 1986, *Сочинения*, Составление, вступительная статья, комментарии В. Э. Вадуро, Ленинград.
- Кулагин, А. В.: 1991, 'Пушкинский замысел статьи о Баратынском', *Временник Пушкинской комиссии*, С.-Петербург, вып. 24, 162–175.
- Левкович, Я. Л.: 1978, 'Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. VIII, 151–194.
- Летопись 1998 — *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*, Составитель А. М. Песков, Текст подготовили Е. Э. Лямина и А. М. Песков, Москва.
- Летопись 1999 — *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т.*, Составители М. А. Цявловский, Н. А. Тархова, Москва, т. 2.
- ЛН 1952 — 'Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837)', Вступительная статья Д. Благого, *Литературное наследство*, Москва 1952, т. 58: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, 3–154.
- Мазур, Н. Н.: 2009, 'Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции', *Пушкин и его современники: Сборник научных трудов*, С.-Петербург, вып. 5 (44), 141–208.
- Мазур, Н., Н. Охотин: 2008, '«Зачем кусать нам груди кормилицы нашей?..»: комментарий к одной пушкинской фразе', *И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата*, Москва, 117–128 (= Новые материалы и исследования по истории русской культуры; Вып. 5).
- Матяш, С. А.: 2000, 'Композиционные функции переносов (enjambements) в восточных поэмах Жуковского и Пушкина: («Пери и ангел» и «Бахчисарайский фонтан»)», *Актуальные проблемы изучения творчества А. С. Пушкина: Жанры, сюжеты, мотивы. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Новосибирск, 21–23 сентября 1999 г.*, Новосибирск, 23–35.
- Матяш, С. А.: 2001, 'К истории и типологии стихотворного переноса', *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика: Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г.*, Москва, 172–186.

- Матяш, С. А.: 2006, 'Переносы (enjambements) в лирике А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова', *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 11, 57–63.
- Могилянский, А. П.: 1956, 'К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина»', *Пушкин: Исследования и материалы*, Москва—Ленинград, т. 1, 388–395.
- Модзалевский, Л. Б., 1929, *Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде*, Ленинград.
- Мясоедова, Н. Е.: 2002, *Пушкинские замыслы: Опыт реконструкции*, С.-Петербург.
- ПД—Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Рукописный отдел (С.-Петербург), ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1.
- Песков, А. М.: 1995/1996, 'Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений', *Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура*, Москва, 239–270 (= Новое литературное обозрение. Научное приложение; Вып. VI).
- Полевой, Н. 1826, '[Рецензия на книгу: Е. Баратынский, Эда: Финляндская Повесть, и Пирры: описательная Поэма, С.-Петербург 1826]', *Московский Телеграф*, ч. VIII, № 5, 62–76.
- Плетнев, П.: 1842, 'Финляндия в русской поэзии: (Письмо к Цигнеусу)', *Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского Университета*, Изданный Я. Гротом, Гельсингфорс, 135–185.
- Проскурин, О.: 2003, 'Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: датировка, функция, место в литературной эволюции', *Новое литературное обозрение*, № 6 (64), 251–283.
- Проскурин, О.: 2007, '[Комментарии]: «Руслан и Людмила»; «Кавказский пленник»; «Бахчисарайский фонтан»', Пушкин, *Поэмы и повести*, [Репринт издания 1835 г.], Москва, ч. I, 18–363 (2-й пагинации).
- Пушкин, А.: 1827, 'Отрывки из писем, мысли и замечания', *Северные Цветы на 1828 год*, Изданные Бароном Дельвигом, С.-Петербург, 208–226 (1-й пагинации). Без подписи.
- Пушкин, А.: 1829а, 'К ...', *Московский Вестник*, ч. I, № 1, 108.
- Пушкин, А.: 1829б, *Стихотворения*, С.-Петербург, ч. II.
- Пушкин, А.: 1840, 'Отрывки из Дневника А. С. Пушкина', *Сын Отечества*, т. II, кн. III, 478–482.
- Пушкин, А.: 1841, *Сочинения*, С.-Петербург, т. XI.
- Пушкин: 1916, *Сочинения Пушкина*, Издание Императорской Академии наук, Петроград, т. 4: Лирические стихотворения (1825–1827).
- Пушкин: 1926–1928, *Письма*, Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, Москва—Ленинград 1926, т. I; 1928, т. II.
- Пушкин: 1929, *Сочинения*, Издание Академии наук СССР, Ленинград, т. 9, [ч.] II: Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам.
- Пушкин, А. С.: 1930, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Москва—Ленинград, т. II, кн. 3: Стихотворения 1826–1836, Редакция М. А. Цявловского; Сказки, Редакция Ю. Н. Верховского.
- Пушкин, А. С.: 1931, *Полное собрание сочинений: В 6 т.*, Москва—Ленинград, т. II: Стихотворения 1826–1836, Редакция М. А. Цявловского.

- Пушкин, А. С.: 1935, *Полное собрание сочинений: В 9 т.*, [Москва], т. II: Стихотворения 1821–1830, Подготовка текста стихотворений М. А. Цявловского, Комментарии под редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского.
- Пушкин: 1937–1949, *Полное собрание сочинений*, [Москва—Ленинград].
- Розанов, И. Н.: 1974, 'Пушкин — рецензент поэтов', *Волга*, № 6, 124–138.
- Синявский, Н., М. Цявловский: 1938, *Пушкин в печати: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни*, Издание 2-е, исправленное, Москва.
- Соловьева, О. С.: 1964, *Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 г.: Краткое описание*, Москва—Ленинград.
- Сомов, О.: 1828, 'Обзор российской словесности за 1828 год', *Северные Цветы на 1829 год*, С.-Петербург, 3–110 (1-й пагинации).
- Стеллиферовский, П. А.: 1988, *Евгений Абрамович Баратынский: Книга для учащихся старших классов средней школы*, Москва.
- Фомичев, С. А.: 1983, 'Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений)', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XI, 27–65.
- Фомичев, С. А.: 1986, *Поэзия Пушкина: Творческая эволюция*, Ленинград.
- Хитрова, Д.: 2004, 'Литературная позиция Баратынского и эстетические споры конца 1820-х гг.', *Пушкинские чтения в Тарту*, [вып.] 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева, Тарту, 149–180.
- Ходасевич, В.: 1924, *Поэтическое хозяйство Пушкина*, Ленинград, кн. 1.
- Цявловский, М.: 1914, 'Пушкин по документам Погодинского архива', Предисловие и публикация М. Цявловского, *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград, вып. XIX/XX, 63–94.
- Цявловский, М. А.: 1951, *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, Москва, [т.] I.
- Шапир, М. И.: 1999/2000, 'Сон Татьяны: ритм — синтаксис — смысл: (попутные соображения)', *Philologica*, т. 6, № 14/16, 351–360.
- Шапир, М. И.: 2003, 'Три реформы русского стихотворного синтаксиса: (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)', *Вопросы языкознания*, № 3, 31–78.
- Шевырев, С.: 1827, 'Обозрение русской словесности за 1827-й год', *Московский Вестник*, ч. VII, № 1, 59–84.
- ЯА — *Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829)*, Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова, С.-Петербург 1913 (= Языковский архив; Вып. 1).